

На правах рукописи

КИКНАДЗЕ Диана

**«Удзи сюи моногатари»
как источник по духовной культуре Японии
эпохи Хэйан (794–1185)**

Специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и
методы исторического исследования»

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2016

Работа выполнена в отделе Дальнего Востока Института восточных рукописей Российской Академии наук.

Научный руководитель: кандидат исторических наук Каринэ Генриховна Маранджан.

Официальные оппоненты:

- доктор исторических наук, профессор СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО Екатерина Кирилловна, заведующая кафедрой истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

- кандидат исторических наук СИНИЦЫН Александр Юрьевич, старший научный сотрудник отдела Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук.

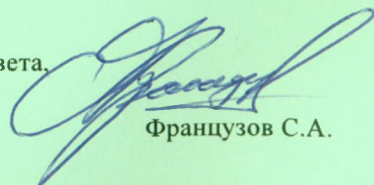
Ведущая организация: Библиотека Российской Академии наук.

Защита состоится 22 июня 2016 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета Д 002.041.01 при Институте восточных рукописей РАН (191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института восточных рукописей РАН <http://www.orientalstudies.ru>

Автореферат разослан «27» апреля 2016 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент

Французов С.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная диссертационная работа посвящена исследованию японского письменного памятника прозы *сэцува* 説話 (короткие назидательные рассказы на буддийскую или мирскую тематику, существующие в виде сборников) «Удзи сюи моногатари» (宇治拾遺物語, «Рассказы, собранные в Удзи», далее УСМ, XIII в.), рассматриваемого в качестве источника по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185)¹.

Сборник УСМ был составлен в период с 1190 по 1242 гг. и был завершен к XIII в., в эпоху Камакура (1192–1333). Если ранние сборники *сэцува* большей частью считались плодом творчества его автора-составителя, то специфика поздних сборников в основном несет компиляционный характер – талант автора заключался в умелом подборе и редактуре старых рассказов на новый лад. УСМ также изобилует историями из других известных сборников *сэцува* хэйанского периода. Несмотря на то, что формально составление сборника датируется эпохой Камакура, все истории относятся к разным годам эпохи Хэйан.

До сих пор УСМ рассматривался лишь историками японской литературы и филологами, анализировавшими это произведение с позиции истории литературы, обращая особое внимание на жанровые особенности, на взаимосвязь этого памятника с другими сборниками этого жанра, генетическую связь *сэцува* с его китайским предшественником – короткими рассказами *сяшо* 小説. Некоторые исследователи сосредотачивали свое внимание на эволюции классического японского языка, на котором написан текст УСМ.

Данное диссертационное исследование предлагает проанализировать УСМ в контексте источниковедения: мы будем рассматривать УСМ как источник по изучению истории духовной культуры эпохи Хэйан. Понятие

¹ Здесь и далее мы употребляем написание японских имен и фамилий, названий источников, топонимов и т.п. на кириллице по системе Поливанова, однако не указываем долготы гласных звуков.

«духовная культура» включает в себя систему знаний и мировоззренческих идей, характерных для той или иной исторической эпохи. Иначе говоря, это совокупность нематериальных элементов культуры: нормы поведения, нравственность, ценности, ритуалы, символы, знания, мифы, идеи, обычаи, традиции, язык и т.д.

Все 197 историй сборника можно распределить по следующим рубрикам:

- 92 истории на буддийскую тематику (чудеса при молитвенном обращении к буддийскому божеству, описание некоторых ритуалов и обрядов, факты из биографии известных монахов, случаи из жизни бродячих монахов и горных отшельников, поведение паствы, искусство буддизма и проч.);

- 22 истории на тему магиико-мантической практики *аммёдо*² 陰陽道 (гадания, следование календарям, магические ритуалы, посыльные духи сикигами, факты из биографии мастера-*аммёдзи* Абэ Сэймэя 安倍清明 и проч.), физиогномики, толкования снов и некоторых других видах колдовства;

- 16 историй на тему исконно японских верований и представлений, синто – буддийского синкретизма, трикстеров и животных, почитаемых в синтоизме;

- 10 историй на тему демонологии, как буддийского, так и японского происхождения.

- 57 остальных историй относятся к мирским историям, среди которых можно выделить придворный анекдот, истории об известных разбойниках и пиратах того времени, прочие истории с описанием необычного или забавного случая из повседневной жизни жителей столицы и провинций.

² Здесь и далее мы употребляем чтение терминов *аммёдо*; *аммёдзи*; ведомство *Оммёрё*, принятое с эпохи Эдо (1603–1868) и по настоящее время, считающееся устоявшимся в японском языке и историографии. В эпоху Хэйан этот термин произносился как *отъёдо*; *отъёси*; ведомство *Отъёрё*. Подробнее см.: Свод законов «Тайхорё». 702–718 гг. I–XV законы. Вступительная статья, пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. – М.: Наука, 1985. – С. 197.

Как показывает распределение историй по рубрикам, три четверти историй УСМ в той или иной степени касаются религиозных практик и представлений, причем эти истории не исчерпываются одними лишь буддийскими представлениями: ряд историй посвящен магико-мантической практике *оммёдо*. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что буддийские представления сосуществовали с натурфилософскими, магическими практиками, имевшими большое хождение и популярность в японском обществе эпохи Хэйан.

Большая часть светских историй, написанных в жанре придворного анекдота, прямо или косвенно касаются религиозной тематики. Герои таких рассказов либо сами показаны участниками буддийского ритуала, либо их речь демонстрирует хорошие знания буддийских текстов. Так, становится очевидным то огромное влияние буддийской культуры, которое она продолжала оказывать на японцев эпохи Хэйан.

Объект исследования: японский письменный памятник жанра *сэцува* УСМ (XIII в.), а именно, истории УСМ, отражающие такой аспект духовной культуры средневековой Японии, как простонародные верования, религиозные и магические представления.

Предмет исследования: духовная культура японского общества эпохи Хэйан, а точнее, один из ее наиболее значимых аспектов – простонародный буддизм, его пантеон и ритуалы, а также бытовавшие одновременно с ними ритуалы и обряды *оммёдо*.

Поскольку именно «буддийские истории» составляют значительную часть УСМ, наше внимание, в первую очередь, будет направлено на исследование буддийских представлений и практик. Вместе с тем УСМ бесспорно является важным источником, рассказывающим о содержании, формах бытования и распространенности практик *оммёдо*. Именно два этих аспекта жизни эпохи Хэйан, определяющих специфику ее культуры, и являются главным предметом нашего рассмотрения.

Степень разработанности проблемы.

В российском японоведении УСМ до настоящего времени не являлся предметом специального изучения, кроме единственной попытки предварительного описания этого памятника в монографии Г.Г. Свиридова «Японская средневековая проза сэцува: Структура и образ» (М., 1981). Монография представляет собой литературоведческий анализ УСМ и «Кондзяку моногатари-сю» (今昔物語集, «Стародавние повести», далее – КМС, XII в.). Автор заостряет свое внимание на методах организации историй в сборнике, образе человека в *сэцува*, отличиям УСМ от КМС и прочих сборников этого типа текстов. Сам автор в заключении справедливо отмечает: «Настоящая книга – первый шаг на пути освоения богатейшего наследия прозы *сэцува*. Многие проблемы здесь только намечены <...>. Необходимо также приступить к рассмотрению вопросов эстетического, философского, социологического содержания памятников *сэцува*. Важен и генетический аспект бытования жанра, его связи с китайской, а также с буддийской канонической литературой. Комплексное решение этих проблем – очередная задача изучения японской средневековой прозы *сэцува*»³. Благодаря усилиям Г.Г. Свиридова и Т.И. Редько-Добровольской на русский язык были переведены и опубликованы избранные рассказы из УСМ⁴.

Полностью сборник переведен и опубликован на английском языке британским японоведом, преподавателем Кембриджского университета Д.Э. Милсом (D.E. Mills). Перевод комментирован, снабжен предисловием о проблемах и специфике сборников *сэцува*, особенностях содержания, стилистики и литературных качествах УСМ, а также удобным индексом и сводными таблицами.

Несмотря на то, что «Удзи сюи моногатари» рассматривался до сих пор только в контексте литературоведения, предшествующие ему сборники в жанре *сэцува* такие, как «Нихон рёйки» (日本靈異記, «Японские легенды о

³ Свиридов Г.Г. Японская средневековая проза сэцува: Структура и образ. – М.: Наука, 1981 – С. 227–228.

⁴ Позже, в 2004 г. А.Н. Мещеряковым были опубликованы ранее не изданные избранные истории УСМ в переводе Г.Г. Свиридова. Подробнее см.: Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. – М.: Наталис; Рипол-классик, 2004.

чудесах», созданы на рубеже VIII–IX вв.) и «Нихон одзё гокуракуки» (日本往生極樂記, «Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости», 984), ставшие предметом исследования отечественного японоведа А.Н. Мещерякова, впервые были рассмотрены с позиции комплексного изучения, при котором особое внимание уделялось не только жанровым особенностям *сэцува*, но и социокультурным и религиозным факторам, нашедшим свое отражение в этих памятниках. Именно в исследованиях А.Н. Мещерякова на первый план выступает буддийская проблематика, пронизывающая ткань практически всех текстов произведений *сэцува*.

Таким образом, к концу 80-х гг. прошлого столетия в отечественном японоведении наметился новаторский подход к изучению памятников *сэцува*, в котором сугубо литературоведческий подход отошел на второй план, уступив место комплексному исследованию.

При работе над диссертационным исследованием были использованы труды А.Н. Мещерякова⁵, В.Н. Горегляда⁶, исследования Герберта Плутшоу (Herbert Plutschow)⁷, Уильяма ЛаФлёра (William La Fleur)⁸, японских ученых Симура Кунихиро (志村有弘)⁹, Сигэта Синъити (繁田信一)¹⁰ и многих других.

Огромную помощь в исследовании истории японских религий оказали работы О.О. Розенберга¹¹, коллективная монография «Буддизм в Японии»

⁵ Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. – М.: Наука, 1987; Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Наука, 1988; Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. – М.: Наука, 1991; Нихон рёнки. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й / Перевод со старояп., предисловие и комментарии А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1995.

⁶ Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. – М.: Наука, 1975; Горегляд В.Н. Буддизм и японская литература VIII–XII вв. // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Сборник статей. – М.: Наука, 1982 – С. 122–205; Горегляд В.Н. Ки-но Цураюки. М.: Наука, 1983; Горегляд В.Н. Японская литература VIII–XVI вв. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

⁷ Plutschow, H.E. Chaos and Cosmos. Ritual in early and medieval Japanese literature. – Leyden–New-York–Copenhagen–Köln, 1990.

⁸ ЛаФлёр У. Карма слов. – М.: Летний сад, 2000.

⁹ Симура Кунихиро. Оммёдзи рёсудэн: Нихонси-но ями-но кэцумяку (Симура Кунихиро. Биография оммёдзи: Темное наследие японской истории (Esoterica selection) – Токио: Гакусюкэнкюся, 2000/9). 志村有弘. 陰陽師列伝: 日本史の闇の血脈 (Esoterica selection) – 東京: 学習研究社, 2000/9.

¹⁰ Сигэта Синъити. Оммёдзи. Абэ Сэймэй то Асия Доман. (Сигэта Синъити. Мастера-оммёдзи. Абэ Сэймэй и Асия Доман. Токио, 2006). 繁田信一. 陰陽師. 安部清明と盛衰道満 - 東京: 中公新書, 2006.

¹¹ Розенберг О.О. Труды по буддизму. – М.: Наука, 1991.

под редакцией Т.П. Григорьевой¹², труды А.Н. Игнатовича¹³, Е.С. Лепеховой¹⁴, М.В. Грачева¹⁵, Гораи Сигэру(五来重)¹⁶. Статьи Кэролин Пан (Carolyn Pang)¹⁷, Масуо Синъитиро (増尾伸一郎)¹⁸, Сигэта Синъити (繁田信一)¹⁹, Хаяси Макото (林淳) в соавторстве с Маттиасом Хайеком (Matthias Hayek)²⁰ и некоторых других зарубежных исследователей помогли разобраться в специфике бытования *оммёдо*.

Цель исследования:

- рассмотреть памятник жанра *сэцува* «Удзи сюи моногатари» в качестве источника по изучению бытования простонародных религиозных идей, культов, обрядов, а также магических представлений в японском обществе эпохи Хэйан.
- определить основные особенности японского народного буддизма, сложившиеся под влиянием популярной с конца XI в. эсхатологической идеи *матто* 末法²¹, а также популярных в обществе магических ритуалов и практик *оммёдо*, игравших огромную роль в жизни мирян.

Данные цели конкретизированы в следующих задачах:

¹² Буддизм в Японии / Под ред. Т.П. Григорьевой – М.: Наука, 1993.

¹³ Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. – М.: Наука, 1988.

¹⁴ Лепехова Е.С. Буддийская сангха в Японии в VI–IX веках. – М.: Восточная литература, 2009.

¹⁵ Грачев М.В. Медицина в древней Японии /Япония. Путь кисти и меча – 2003 (7). № 3. С. 4–13; Япония в эпоху Хэйан (794–1185). Хрестоматия /Составление, введение, пер. с древнеяп. и комментарии М.В. Грачева. – М.: РГГУ, 2009.

¹⁶ Гораи Сигэру. Нихон-но семин буккё. – Токио: Кадогава сётэн, 1985. (Японский простонародный буддизм) / 五来重 日本の庶民仏教. - 東京：角川書店、1985.

¹⁷ Pang Carolyn. Uncovering *Shikigami*. The Search for the Spirit Servant of Onmyodo // Japanese Journal of Religious Studies 40/1. Nanzan Institute for Religion and Culture, 2013. – P. 99-129.

¹⁸ Masuo Shin'ichiro. Chinese Religion and Formation of Onmyodo. // Japanese Journal of Religious Studies 40/1, 2013/ Nanzan Institute for Religion and Culture – P. 19-43.

¹⁹ Shigeta Shin'ichi. A Portrait of Abe no Seimei // Japanese Journal of Religious Studies 40/1, 2013/ Nanzan Institute for Religion and Culture – P. 77-97.

²⁰ Hayashi Makoto, Matthias Hayek. Editors Introduction. Onmyodo in Japanese History. // Japanese Journal of Religious Studies 40/1, 2013/ Nanzan Institute for Religion and Culture – P. 1-18; Hayashi Makoto, Matthias Hayek. Onmyodo in Japanese History. Correcting the Old, Adapting the New: Baba Nobutake and the (Relative) Rejuvenation of Divination in the Seventeenth Century // Japanese Journal of Religious Studies 40/1, 2013/ Nanzan Institute for Religion and Culture – P. 169-188.

²¹ *Матто*, «конец Закона», эсхатологическая идея в буддизме, когда по подсчетам должен был наступить период всеобщего упадка буддийского вероучения и падение нравов монашеской общины. В Японии конца XI в. под влиянием этой идеи возникли новые культы и направления буддизма – амидаизм с верой в Чистую землю будды Амиды, ритуал самоубийств *фуюраку* и многое другое.

- раскрыть специфику японского народного буддизма позднихэйанского периода;

- показать и объяснить значение магико-мантической практики *оммёдо*: влияние календарных предписаний, гаданий и магических ритуалов на повседневную жизнь аристократов;

- сопоставить ритуальную обрядовость эзотерического буддизма *миккё* с магическими практиками *оммёдо*; объяснить активное вмешательство буддизма в *оммёдо* как намеренный политический курс против религиозного даосизма в Японии;

- представить в переводе на русский язык избранные истории УСМ, в которых фигурируют представляющие для нас интерес и являющиеся объектами нашего рассмотрения обряды, практики и бытование буддийских божеств в японском обществе исследуемого периода.

Методология и методы исследования. В диссертации применялись общенаучные методы исторического исследования: классический историко-культурный анализ письменных источников, проблемно-тематический анализ, метод комплексного изучения источников, метод количественного и содержательного анализа.

Источниковая основа диссертации охватывает два класса текстов (в оригиналах и переводах на русский и английский языки):

- Исследуемый источник (УСМ);
- Памятники японской историографии, японские памятники письменности, тексты сутр буддизма Махаяны, включающие информацию, способствующую прояснению сюжетов УСМ, избранные произведения китайской буддийской прозы *сяошо*.

Новизна результатов исследования заключается в попытке впервые рассмотреть УСМ с точки зрения источника по истории духовной культуры японского средневекового общества, обращая внимание не только на

буддийскую составляющую, но и на бытовавшие в обществе того периода, магико-мантические практики *оммёдо*.

В данной работе под понятием «духовная культура» освещены вопросы религии и веры в японском обществе эпохи Хэйан: общая религиозно-духовная атмосфера; актуальные буддийские идеи и особо почитаемые представители буддийского пантеона; наиболее популярные ритуальные практики, совершаемые мирянами; становление и развитие ритуалов магико-мантической практики *оммёдо*, превратившейся на японской почве в совершенно уникальное явление с элементами религиозного даосизма, индийской астрологии, древних японских народных верований, магии и гадательных практик.

Научная новизна диссертационного исследования выражается в:

- рассмотрении сборника УСМ как важного исторического источника по реконструкции духовной атмосферы японского общества конца эпохи Хэйан;
- выявлении сугубо японских особенностей бытования элементов буддийского вероучения, популярности и важности некоторых будд и бодхисаттв, ритуалов и практик;
- попытке впервые в отечественном японоведении осуществить подробный анализ пласта сюжетов УСМ про магико-мантическую практику *оммёдо*, которая помогает реконструировать этот аспект духовной культуры столичных аристократов;
- частичном воссоздании деталей биографии придворного мастера-*оммёдзи* Абэ Сэймэя;
- проведении сравнительного анализа магических практик *оммёдо* и *миккё*;

В приложении к диссертации представлены избранные истории сборника в переводе на русский язык.

Научно-практическая значимость результатов исследования.

Результаты исследования могут служить основой для дальнейших исследований поздних сборников японских *сэцува*, а также истории буддизма и местных верований, магических ритуалов *оммёдо*, истории монашеской общины, антропологии и этнографии Японии эпохи Хэйан.

Результаты могут быть использованы в теоретических и практических курсах по истории и культуры средневековой Японии, истории японских религий.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты исследования отражены в шестнадцати научных публикациях, в том числе в трех публикациях в журналах из перечня ВАК.

Результаты исследования были представлены на годичных научных сессиях ИВР РАН (2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2014), а также на Кюнеровских чтениях в МАЭ РАН (2007, 2008, 2009, 2010, 2014, 2016), Шестых Доржиевских чтениях «Буддизм и современный мир» (Улан-Удэ – Нарын-Ацагат, 13–16 июля 2014 г.), Международной научной конференции к 100-летию Е.М. Пинус (1914–1984) «Япония: культурные традиции в меняющемся социуме». (Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2014 г.), XXVIII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2015 г.), XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) и некоторых других.

Структура диссертации.

Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка литературы и Приложения, куда включены избранные истории УСМ в переводе на русский язык автором диссертации.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается объект и предмет исследования, определяются цель и задачи, новизна и актуальность избранной темы, а также дается описание источниковой базы исследования.

В первой главе «Памятник жанра *сэцува* “Удзи сюн моногатари”» дается обзор письменных источников эпохи Хэйан, история создания и общая характеристика памятника, место исследуемого произведения в корпусе прочих сборников *сэцува*, а также рассмотрены памятники жанра *сэцува*, чьи истории вошли в основу УСМ.

В параграфе 1.1. «Характеристика письменных источников эпохи Хэйан» рассматриваются основные письменные источники изучаемой эпохи. Письменное наследие этого периода представляет собой два основных потока: документальные материалы, записанные на *камбун* (漢文、китаизированный японский) – указы императоров, приказы, уложения, докладные записки, придворные дневники чиновников и тексты изящной словесности придворных аристократов, записанные смешанным письмом *вабун* 和文 (т.н. литература «женского потока»: повести *моногатари*, дневники *никки*, эссе *дзуйхицу*) и поэзия. Корпус исторических источников также включает в себя нормативные акты – законодательный акт «Свод законов “Тайхорё”» (大宝令, 702–718), действие которого распространялось и в эпоху Хэйан, императорские указы и уложения, докладные записки чиновников.

Если нормативные документы содержали сухие факты, указывающие на то, каким должно было быть тогдашнее общество, а произведения изящной словесности отражали картину происходящего в повседневной жизни придворных, то сборники жанра *сэцува* были обращены к самому простому слою японского общества эпохи Хэйан. Изящные сочинения придворных служат важным источником по изучению различных аспектов повседневной жизни императора и столичной аристократии, однако не всегда

позволяют судить о жизни всех обитателей столицы и дальних уголков страны.

Простые жители столицы и провинций надолго стали главными героями буддийских историй жанра *сэцува*, которые изначально были рассчитаны на простых верующих. Такие истории помогали монаху-проповеднику в длительных проповедях: смысл малопонятных буддийских сутр и главных идей записывался примитивным языком, а для большей реалистичности подобные толкования изобиловали сценами из жизни простых слоев столичного общества. Иначе говоря, сборники *сэцува* появились и имели хождение лишь в среде образованных монахов, а позже и среди аристократов, и не предназначались для чтения простым людом по причине их безграмотности.

Применение письменных памятников жанра *сэцува* в качестве исторического источника в научном сообществе может вызвать неоднозначные споры и сомнения. Однако эти произведения по-прежнему остаются уникальными источниками по изучению истории повседневности Японии эпохи Хэйан, поскольку изящная словесность аристократов пренебрегала и избегала включения описаний жизни простого люда в силу строгих рамок своей письменной традиции.

Параграф 1.2. «Общая характеристика и история создания памятника» посвящен особенностям памятника УСМ. В частности, дается справка о времени создания памятника, обзор существующих списков и их характеристики, сведения о современном издании УСМ, базирующемся на печатном издании 1659 г.; освещается проблема авторства, трактовки предисловия первого составителя советника Минамото Такакуни и точной датировки памятника; рассматривается принцип организации материала в сборнике, структура историй и основные отличия изучаемого сборника от остальных произведений жанра *сэцува*.

Параграф начинается с общих сведений о создании УСМ и проблем, связанных с этим вопросом. Современное издание УСМ имеет вид сборника,

состоит из 197 историй, распределенных по пятнадцати свиткам. Современное издание, выпущенное в библиотеке-серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй» («Собрание японской классической литературы») учитывает несколько печатных текстов разных лет: печатное издание годов Канъэй (1624–1644) с применением скорописного шрифта; ксилографическое издание 1659 г., экземпляр которого хранится в архиве Управления императорского двора в Токио, а также прочие экземпляры из коллекции Момодзоно, библиотеки Хоса, Университета Кюсю, библиотеки Кабинета министров.

Компоновка сборника началась еще в конце эпохи Хэйан неким советником Минамото Такакуни, о чем гласит предисловие, которое появилось полностью лишь в печатном издании 1659 г. Согласно предисловию, пожилой советник Такакуни, спасаясь от летнего зноя в покоях храма Бёдоин в местности Удзи, зазывал путников и паломников с просьбой поведать ему ту или иную удивительную или страшную историю. Так было положено начало сборнику под первоначальным названием «Удзи дайнагон моногатари» (宇治大納言物語、«Повесть советника из Удзи»). Считается, что два первых свитка вошли в КМС, а позже выделились и стали дополняться ввиду большой популярности этих историй. Сборник «Удзи дайнагон моногатари» просуществовал под этим названием лишь до конца эпохи Камакура, после чего был переименован в «Удзи сюи моногатари». Благодаря предисловию к УСМ нам известно первоначальное название сборника, однако вопрос о времени создания последующих свитков все еще остается открытым. Существует девять версий, выдвинутых японскими исследователями памятника, среди которых наиболее достоверным представляется, что временем создания сборника является период с 1190 по 1242 гг.

К сожалению, неизвестно, кем были остальные составители УСМ. Несмотря на то, что компоновка сборника закончилась лишь к середине XIII в., в эпоху Камакура, содержание сборника относится к эпохе Хэйан.

Помимо проблем с точной датировкой памятника, исследователи УСМ сталкиваются с проблемой компоновки историй в сборнике. В отличие от строго классифицированных по темам историй в КМС, рассказы УСМ не систематизированы, на первый взгляд расположены в хаотичном порядке. Однако, при учете чередования некоторых рассказов на одну и ту же тему, во всем сборнике проглядывается логика и принцип, уводящий к корням индийских *джатак* или дневникового стиля записи. Это означает, что истории УСМ определенным образом ориентированы на смену чувств и настроения слушателя: после удивительного случая идет страшная история о демоне, придворный анекдот переходит в историю о чуде, совершенном бодхисаттвой, скабрёзный случай с фрейлиной сменяется поучительным и т.д.

Структура историй УСМ разнородна, однако каждая из них начинается с зачинов: *има ва мукаси* (今は昔, досл.: не сейчас, а давно,), *корэ мо има ва мукаси* (是も今は昔, и это было давно), *мукаси* (昔, в старые времена; давным-давно), после чего идет содержание и концовка, лишенная, в отличие от ранних *сэцува*, назидательного характера. Заимствованные истории были значительно сокращены, а хронология, топонимика, имена собственных, как и сами факты, были уточнены и тщательно выверены. Привычная для *сэцува* дидактическая концовка была ослаблена, смещена или заменена ироничным комментарием составителя, в которой ясно прослеживается личное отношение и мнение автора по конкретному вопросу.

УСМ выделяется среди прочих сборников жанра *сэцува* тем, что наиболее ясно отражает влияние эсхатологической идеи *матто* на тогдашнее общество, что прослеживается не только в историях, но и в принципах авторской редакции.

В параграфе 2.3. «Параллели с другими сборниками *сэцува*, содержание, художественная ценность» дается обзор основных сборников *сэцува*, которые

легли в основу УСМ, его содержание и ценность как источника по изучению истории, религий и общества эпохи Хэйан.

Параграф начинается с характеристики основных сборников *сэцува* и заимствованных историй. Перечисляются такие сборники, как «Кохон сэцува-сю» (古本説話集, «Собрание старинных сборников *сэцува*», 97 рассказов), «Кондзяку моногатари-сю» (今昔物語集, «Собрание стародавних повестей», 89 рассказов), «Кодзидан» (古事談, «Беседы о делах давно минувших дней», 27 рассказов), «Нихон рёики» (日本靈異記, «Японские легенды о чудесах», 1 рассказ).

Вторая глава «Удзи сюн моногатари» как источник по простонародным буддийским верованиям: популярный буддийский пантеон и практики» посвящена наиболее популярным божествам буддийского пантеона и их бытованию в народе.

Основой для этой главы послужили избранные истории УСМ, в которых затрагивается буддийская тематика. Поскольку этот жанр предполагал обработку и письменную фиксацию буддийских проповедей, предназначенных для широкой аудитории, то буддийские идеи и практики, затрагиваемые в сборнике, в целом отражают простонародный или популярный буддизм. Поэтому, анализируя памятник, можно выявить те отдельные элементы буддизма, которые нашли отклик в сердцах простых мирян и не были вытеснены автохтонными японскими верованиями, а плавно слились с ними, образовав уникальную форму японского народного буддизма.

В самом начале главы дается краткий обзор существующих религиозных течений в буддизме и тех идей, которые отражены в памятнике.

Схематически основные мотивы могут быть представлены следующим образом:

1. Вера в бодхисаттву Каннон (18 историй): практика копирования и рецитации Лotosовой сутры; почитание статуй Каннон; первое упоминание Чистой

земли Каннон и ритуала *фудараку-токай*; упоминание Каннон в составе триады будды Амиды во время *райко*²².

2. Культ будды Амиды и вера в его Чистую землю или Западный рай и деятельность отшельников *нэмбуцу-хидзири* (4 истории).
3. Вера в бодхисаттву Дзидзо как вызволителя грешников из ада и почитание статуй Дзидзо (6 историй).
4. Представления об аде, народная демонология (6 историй).
5. Особенности почитания Будды Шакьямуни.

Отдельного внимания заслуживает параграф 2.1. «Вера в бодхисаттву Каннон и культ “Лотосовой сутры”» о культе бодхисаттвы Каннон 觀音 (санскр.: Авалокитешвара), о вере в спасение посредством переписывания и рецитации отрывков из «Лотосовой сутры», об изготовлении статуй бодхисаттвы. Наибольшее число историй УСМ связано с культом Каннон и «Лотосовой сутрой» (р. №№ 1, 19, 83, 87, 89, 91, 102, 108, 123, 141, 175), храмом Киёмидзудэра и чудотворной статуей Тысячерукой Каннон (р. №№ 60, 86, 131), храмом Хасэдэра и чудотворной статуей Одиннадцатиликой Каннон (р. №№ 96, 179), что указывает на стабильную популярность Каннон в японском буддизме.

Как самые ранние памятники *сэцува*, так и позднейшие иллюстрировали основные ситуации из жизни человека, описанные в «Лотосовой сутре», когда ему на помощь могла прийти Всемиловитая Каннон. Основная сутра буддизма Махаяны – «Лотосовая сутра» (法華經, «Хоккэкё») содержит Главу XXV, в которой приводится описание функций и добродетелей бодхисаттвы Авалокитешвары. Эта глава выделилась в отдельную «Сутру Каннон» (觀音經, «Каннонкё»). В первом параграфе мы предлагаем сопоставление функций бодхисаттвы Каннон, описанных в

²² Райко – явление умирающему верующему триады будды Амиды на пурпурном облаке в сопровождении бодхисаттвы Каннон и бодхисаттвы Сэйси. Эта триада провожала верующего в Чистую землю будды Амиды.

«Лотосовой сутре» с историями УСМ для анализа бытования культа Каннон в японском обществе изучаемого периода.

В параграфе 2.2. «Практика вырезания статуй бодхисаттвы Каннон и переписывания Лотосовой сутры» рассматривается распространенный среди простого японского народа обычай искупления грехов или обращения с мольбой к бодхисаттве, посредством совершения личного религиозного «подвига». За основу были взяты рассказы «Про то, как Хиротака был вызван на суд царя Эмма», р. 83; «Про Тосиюки Асона», р. № 102; «Про то, как девице из Цуруга, что в Этидзэн, помогла Каннон», р. № 108; «Про то, как богиня Каннон обернулась змеей», р. № 87.

В зависимости от финансовых возможностей праведника, это могло быть вырезание деревянной статуи (р. № 108) или переписывание «Лотосовой сутры» (р. №№ 83, 87, 102). Переписав должным образом сутру или вырезав статую божества, мирянин рассчитывал на гарантированное спасение и искупление своих грехов. Материал УСМ показывает, что не всем была дарована возможность самостоятельно изготовить статую, поэтому многие прибегали к помощи мастеров-резчиков или специальных каллиграфов-переписчиков. Однако в сборнике есть описания и самостоятельного, но не добросовестно совершенного «подвига»: не всем удавалось довести отделку статуи до конца или провести обряд ее освящения – ритуала «открывания очей», а переписчик сутр мог отдать своему заказчику сутру, переписанную кое-как, с ошибками и без должного религиозного настроения. Герои в подобных историях попадают в ад раньше отведенного им срока жизни, воочию наблюдают картины ада, проходят суд царя загробного мира Эмма, однако им всегда предоставляется возможность вымолить время на исправление ошибок и вернуться к жизни. Такие истории в УСМ служат в назидание мирянину о достойном поведении истинного буддиста и благоговении перед священным долгом («Про то, как Хиротака был вызван на суд царя Эммы», р. № 83; «Про Тосиюки Асона», р. № 102; «Про Дзидзо из местечка Си-но Мия», р. № 70).

В параграфе 2.3.: «Культ будды Амиды, вера в Чистую землю и практика молитвы-*нэмбуцу*» подробно рассматривается повсеместное увлечение культом будды Амиды, короткой молитвой-*нэмбуцу* во имя попадания в его Чистую землю. Материал УСМ, касающийся культа будды Амиды довольно скуден (всего 4 рассказа: №№ 6, 43, 133, 169), однако содержательный анализ памятника указывает на широкое распространение слепой веры паствы в милость этого будды.

Немногочисленность историй об амидаизме, на наш взгляд, можно объяснить субъективными представлениями и предубеждениями автора-составителя, с чьей точки зрения истории, отражающие бытование амидаистских практик, не требовали особой акцентуации: «заурядное», «всем известное» или «вызывающее осуждение автора» предпочитали не фиксировать в большом количестве, а если и упоминали, то лишь о самых вопиющих случаях, достойных их письменной фиксации. Поэтому отражаемая ситуация могла быть искажена в соответствии с изначальной установкой и мотивами составителя. Из исследований, основывающихся на исторических источниках, известно, что, напротив, амидаизм достиг настолько большой популярности в хэйанском обществе, что на его почве стали появляться радикальные по своему характеру ответвления: эта тема раскрывается в таких работах, как: О.О. Розенберг «Труды по буддизму» (М., 1991), коллективная монография «Буддизм в Японии» под редакцией Т.П. Григорьевой, А.Н. Игнатович «Буддизм в Японии. Очерк ранней истории» (М., 1988), Н.Н. Трубникова, А.С. Бачурин «История религий Японии» (М., 2009), Хори Итиро «Folk Religion in Japan. Continuity and Change» (Chicago, London, 1984), статья Д. Макс Мормана “Passage to Fudaraku: Suicide and Salvation in Premodern Japanese Buddhism” в коллективной монографии «The Buddhist Dead. Practices, discourses, representations» (Honolulu, 2007), Горай Сигэру «Нихон-но сёмин буккё» («Японский народный буддизм». Токио, 1985) и во многих других.

Также по ироничному описанию бытования культа будды Амиды среди простонародья можно судить о высоком происхождении, учености и религиозных предпочтениях автора-составителя УСМ. В изучаемом сборнике упоминаются и плутоватые *нэмбуцу-хидзири* (р. №№ 6, 133, 169) — монахи низшего сословия, которые усердно творят *нэмбуцу* и живут лишь в ожидании чуда. Согласно этим историям такие монахи априори самозванцы, многие из них одурачивают население. Будучи любимцами простонародья, они высмеиваются и осуждаются аристократами не только за свою глупость, но и жалкий вид. Далее в параграфе рассматривается происхождение *нэмбуцу* и основные цели этой короткой молитвы.

Параграф 2.4. «Ритуалы самоубийства *фудараку–токай*» основывается на единственном рассказе УСМ «Про то, как монах разыграл свое утопление» (р. № 133) с упоминанием редкого ритуала *фудараку–токай* 補陀落渡海. Фудараку (санскр.: Поталака) – святая земля бодхисаттвы Каннон, мифическая гора, расположенная на острове на южном побережье Индии, которая считалась местом обиталища бодхисаттвы.

Сам ритуал приобрел вид добровольного жертвоприношения верующего во имя вечного блаженства, обозначавшегося по-японски термином *фудараку-токай* 補陀落渡海, что дословно обозначает «переплыть море ради Фудараку». На самом деле этот ритуал заключался не в бесконечном морском путешествии на лодке в поисках заветной земли, а в способности утонуть в море ради попадания в Чистую землю Фудараку. В Японии образ Каннон тесно сплетен с буддой Амидой в связи с предсмертным визитом *райко* 来迎 триады будды к верующему, поэтому этот ритуал был разработан в пору массового увлечения культом Амиды и отождествлялся с именем этого будды.

В УСМ всего в одной истории «Про то, как монах разыграл свое утопление» (р. № 133) описан случай, когда монах, собиравшийся совершить ритуальное самоубийство *фудараку-токай*, разыгрывает толпу зевак:

всячески оттягивает время ритуала и странно себя ведет, а войдя в воду, внезапно передумывает топиться и пытается сбежать. О новизне подобных ритуалов можно судить по большому скоплению народа и подчеркнутой в истории заинтересованности собравшихся, среди которых немало как столичной аристократии, так и простого люда.

В параграфе 2.5. «Культ бодхисаттвы Дзидзо», который базируется на 6 историях (р. №№ 16, 44, 45, 70, 82, 83), показано бытование культа этого бодхисаттвы и значение поклонения скульптурным изображениям Дзидзо. В данном параграфе иллюстрируется то, что, степень веры и знаний монахов и мирян часто оставляет желать лучшего. Анализ историй о Дзидзо показывает, что культ этого бодхисаттвы, если и не стал еще повсеместно распространенным, то приобрел уже значительную популярность в народе. Это выражалось, в частности, в уже сложившейся традиции почитания его статуй. Исходя из материала УСМ, мгновенное исполнение молитв, моментальное реагирование на едва проявленное уважение по отношению к образу Дзидзо можно объяснить теми последствиями, которые имела для ситуации в конце Хэйан идея *манпо*. Практика почитания бодхисаттвы Дзидзо не требовала переписывания сутр и утомительных обрядов – достаточно было благоговейного упоминания его имени, вырезания его статуй, а то и случайного на них взгляда, что гарантировало помощь страждущему, невзирая на степень веры. Бодхисаттва воскрешал злодеев, вызволяя их из ада и давая им шанс на осознание и искупление грехов в материальном мире.

Параграф 2.6. «Представления о загробном мире» на основе inferнальных сюжетов УСМ (р. №№ 44, 45, 55, 82, 83, 102) содержит описание картин ада, мучений грешников, представителей мира демонов и служителей ада в УСМ. Однако нельзя сказать, что изучаемое произведение изобилует такими описаниями: в позднейших сборниках *сэцува*, как и в УСМ, почти не осталось красноречивых описаний ада – в *сэцува* отпала необходимость в излишнем устрашении и назидании, тем более что на смену традиционным картинам загробного суда пришел новый персонаж, который

не судил, не карал, а спасал грешников, ничего не требуя взамен. Подобная трансформация представлений о потустороннем мире также напрямую связана с тенденциями эпохи *матто* и с утерей в *сэцува* традиции дискуссии на тему загробного наказания и воздаяния.

В параграфе 2.7. «Будда Шакьямуни», рассматривается вопрос фиксации имени Будды в УСМ. Будда Шакьямуни обозначается без особых эпитетов, а привычным термином *хотокэ* {仏, будда, хотя в ряде случаев под этим же иероглифом также может подразумеваться будда Амида или любой бодхисаттва. Историй с упоминанием имени Будды немного, упоминания эти зачастую носят характер присказки: печальных вздохов в знак сожаления; устрашения, запугивания карой Будды и Трех сокровищ за совершаемые злодеяния; радостных возгласов, славословий. В параграфе приводятся теории и мнения ученых по поводу восприятия Шакьямуни средневековыми японцами как Будды, находящегося в нирване, либо как Учителя, Абсолюта.

Так или иначе, на примере историй «Удзи сюи моногатари» мы видим, что такие ритуальные действия, как вырезание статуй Будды и проведение церемоний в его честь по-прежнему продолжались, не говоря о благоговейном отношении к его образу и Учению в целом.

Третья глава «**Магические представления и ритуалы эпохи Хэйан по материалам “Удзи сюи моногатари”**» базируется на исследовании 11 рассказов и посвящена бытованию в аристократическом обществе магико-мантической практики *оммёдо*, с которой японцы познакомились еще в эпоху Нара (710–794). *Оммёдо* к концу эпохи Хэйан трансформировалось из даосской натурфилософии *инь-ян* с ее геомантией, астрологией и астрономией, измерением времени и ее представлениями о космосе и земле в целом в прикладную магию с сугубо местными магическими ритуалами, верой в духов предков и всевозможными суевериями. В данной главе показан расцвет практики *оммёдо*, ее огромная популярность среди зажиточного населения столицы; различные ритуалы, воздержания и затворничества,

гадания и вредоносная магия, к которой охотно прибегали придворные чиновники.

В параграфе 3.1. «Календарные предписания и запреты» подробно освещается проблема зависимости аристократов от ежедневных календарных предписаний, неудобств в связи с запретами *моноими* 物忌み – удалениями от скверны (р. №№ 122, 176). Запреты могли быть строгими и легкими, налагаться, как на обычные ежедневные дела, так и на выход из дома и общение с посторонними. Существовал запрет на определенные направления *катаими* 方忌み. В таких случаях придворным следовало добираться до нужного пункта окольными путями, подбирая более подходящие маршруты, что стало обозначаться, как *катамагаэ* 方違え, перемена направления (р. №№ 24, 184). Подобные строгие запреты и многодневные удаления мешали чиновникам в их придворной службе, поэтому уже к концу эпохи Хэйан в дневниках чиновников появляются записи о пренебрежении легкими запретами. Материал УСМ показывает важность календарных предписаний и возможную опасность для жизни при несоблюдении запретов, и абсурдные ситуации при слепом следовании всем советам.

В параграфе 3.2. «Абэ Сэймэй и Асия Доман» уделяется особое внимание личности придворного мастера-*оммёдзи* Абэ Сэймэя 安倍清明 (921–1005) и его непростым отношениям с магом Асия Доман 葦屋道満 (годы жизни неизвестны), считавшимся злостным соперником Сэймэя (р. №№ 26, 126, 127, 184). УСМ описывает зрелые годы Абэ Сэймэя, когда его придворная карьера находилась в самом зените. Сэймэй был личным *оммёдзи* самого регента Фудзивара Митинага 藤原道長 (966–1028). Без гаданий и предписаний своего личного *оммёдзи*, регент не делал ни шага почти в буквальном смысле этого слова. Считается, что благодаря Абэ Сэймёю популярность ритуалов *оммёдо* достигла небывалой популярности. Материал УСМ позволяет частично реконструировать биографию этого *оммёдзи*.

Параграф 3.3. «Гадания и вредоносные практики *оммёдо*» (р. №№ 8, 122, 184, 185) посвящен значению различных гаданий в *оммёдо*, благодаря которым можно было обнаружить важную для ее владельца вещь, а также порчу, которую соперник мог навести на человека. Искусное гадание также определяло имя злобного духа, вселившегося в «большого» и помогало ритуалу экзорцизма, которое также проводил *оммёдзи* или монах. Под вредоносными ритуалами имеются в виду в первую очередь ритуалы наведения порчи колдунами-*оммёдзи*, которых в столице было огромное количество. Обычно так решался вопрос соперничества среди придворных чиновников – колдуну давался заказ на вредоносное заклинание с тем, чтобы сместить с желаемой должности своего соперника. Текст УСМ показывает, что подобные ритуалы порчи часто совершались при помощи посыльных аморфных духов *сикигами*, прислуживающих *оммёдзи* (р. №№ 26, 32, 126, 127, 184). Окружающие верили, что опытный *оммёдзи* мог превращать их в людей, птиц, животных или в неодушевленные предметы, посылать на задание, используя способности, присущие тому или иному телесному воплощению *сикигами*. Материал УСМ служит превосходным источником по изучению бытования подобных ритуалов и представлений. Наряду с вредоносными ритуалами в УСМ описаны и спасительные обряды, выполняемые Абэ Сэймэем при своевременном обнаружении порчи, наведенной на придворного и даже самого регента Фудзивара Митинага.

В параграфе 3.4. «Посыльные духи *сикигами*» рассматриваются народные представления о существовании на службе у каждого *оммёдзи* бесплотных духов *сикигами* 式神 или *сикидзин* 式人. В магии *оммёдо* *сикигами* – разновидность низших агрессивных духов, состоящих из негативной энергии *кэ* 怪. Это – вторая душа умершего (в кит. верованиях – *гуй*), которая остается на земле и вредит живым, если ее вовремя не задобрить. Считалось, что опытный мастер мог подчинять себе дух *кэ*: Дух

вступал в контакт с энергией мастера и таким образом подчинялся его воле и выполнял различные задания.

Как свидетельствует УСМ, аморфные *сикигами* могли предугадывать события и предсказывать ход дела или сказанные слова. В ряде рассказов подчеркивается благоговейный страх перед Абэ Сэймэем и его многочисленными *сикигами*, нежелание и боязнь придворных повстречаться с этими духами или быть проклятыми ими.

Известно, что этот способ манипуляции с духами имеет древние китайские корни и был распространен в Японии вместе с искусством *инь-ян*.

В параграфе 3.5. «Мстительные духи *онрё*» идет речь о вере в гневные духи умерших людей *онрё* 怨霊 (р. №184). По древним автохтонным представлениям в злобных духов превращались умершие в молодом возрасте, неженатые и незамужние люди, сосланные или загубленные чиновники. Японцы верили, что после смерти они могут насыпать проклятья и вредить своим обидчикам вблизи места их обитания. В УСМ на данную тему содержится всего один рассказ, но судя по иным письменным источникам эпохи Хэйан, известно, что духов-*онрё* опасались и всячески задабривали.

В параграфе 3.6. «Проникновение элементов *оммёдо* в эзотерический буддизм *миккё*» речь идет о монахах «выдающихся способностей», умевших врачевать людей и изгонять из них злых духов, вызывать дождь в засуху или бороться со стихией. Поначалу такие сверхъестественные способности можно принять за действия монахов-*оммёдзи* – поскольку экзорцизм и посыльные духи свойственны ритуалам *оммёдо*.

В самом тексте памятника нельзя обнаружить прямых указаний на ту или иную школу буддизма, подсказкой служит личное имя, сан или отношение духовного лица к тому или иному храму. Зачастую лишь эти данные позволяют идентифицировать принадлежность таких монахов к школам эзотерического буддизма *миккё* 密教, хотя упоминание буддийской терминологии, свойственной *миккё* в тексте памятника также помогает

распознать ритуалы и обычаи тантрического буддизма школ Сингон 真言 и Тэндай 天台. Иногда в УСМ грань между ритуалами *оммёдо*, бродячими монахами течения *сюгэндо* 修驗道 и *миккё* настолько тонка, а порой и неуловима, что в работе было решено рассмотреть лишь наиболее интересные ритуалы буддизма *миккё*, а также проследить причины и условия тесного взаимодействия обрядов *оммёдо*, школ *миккё* и его течения *сюгэндо*. Известно, что как *оммёдо*, так и *миккё* вобрало в себя элементы астрономии и астрологии, разве что с тем отличием, что *миккё* следовало индийскому учению о звездах, а *оммёдо* – китайскому. С эпохи Хэйан *миккё* и *оммёдо* приходят к единству в астрономии, и с тех самых пор начинается активное заимствование и взаимообмен обрядовой стороны *оммёдо*. Таким образом, рассуждая об *оммёдо* эпохи Хэйан, следует помнить, насколько оно было подкорректировано школами *миккё* в соответствии с их религиозной политикой и насколько оно отличалось от китаизированной формы искусства *инь-ян* эпохи Нара, когда приветствовалась исключительно китайская модель мироустройства.

В данном параграфе на материале УСМ рассматриваются основные функции монахов *миккё*, направленных на благо страны и общества, то есть вызывание дождя, изгнание неудачи и привлечение счастья, экзорцизм как форма излечения болезней, прекращение природных катаклизмов и т.п.

Отдельное внимание в параграфе уделяется и *сюгэндзя* 修驗者 – бродячим монахам-отшельникам, которые, однако, были прикреплены к некоторым храмам школ Сингон и Тэндай. В XIII в. граница между обычными монахами *миккё* и *сюгэндзя* стала более отчетливой, что говорит, на наш взгляд, об усилении этого течения и его влиянии на простое население страны. В диссертации рассматриваются сюжеты, связанные с деятельностью *сюгэндзя*. Материал УСМ не показывает нам каких-либо суровых мер наказания и преследования *сюгэндзя* в середине и конце хэйанской эпохи, а наоборот – такие отшельники часто приглашаются ко

двору для изгнания злых духов. Отсутствие описаний ограничений религиозной деятельности *сюэндзя*, закрепленных за храмами Тэндай и Сингон, указывает если не на полное, то хотя бы на частичное признание их способностей. В тексте УСМ о монахах-чудотворцах и врачевателях говорится с восторгом и благоговением, применяются эпитеты «одаренный», «обладающий силой», «просветленный». В конце данного параграфа подводится итог деятельности *оммёдо* в эпоху Хэйан, поскольку наибольшего расцвета эта практика достигла в середине эпохи Хэйан во время правления регента Фудзивара Митинага. Однако именно с этого времени начинается постепенное угасание влияния *оммёдо* на жителей столицы. Говоря о дальнейшей судьбе *оммёдо*, нужно отметить, что в последующие века воинское сословие агрессивно вмешивалось в дела этой практики, соединив его с синто и оставив лишь самые незначительные элементы, предварительно лишив и их какого-либо глубинного смысла. В таком символическом виде *оммёдо* просуществовал в синтоизме вплоть до эпохи Муромати (1336–1573). В эпоху Эдо (1603–1868) на *оммёдо* вновь обратили внимание в силу возросшего интереса к хэйанской эпохе в целом.

В **Заключении** проводятся итоги проделанной работы. Характеризуя результаты, полученные в ходе исследования религиозной ситуации в позднехэйанском обществе, можно отметить следующее: буддизм получил широкое распространение, однако пласт историй УСМ про магико-мантические ритуалы *оммёдо* показывает, что эта обрядовая сфера играла не меньшую роль наряду с буддизмом в повседневной жизни японцев.

Сборник *сэцува* УСМ, как и многие другие сборники, показывают подлинную картину жизни общества и то огромное разнообразие религий, верований и представлений, которое царило в ту эпоху. Буддизму приходилось приспосабливаться к местным условиям и менталитету, сосуществовать и проявлять гибкость и лояльность к чужеземным верованиям, временами же идти по пути активного заимствования обрядной практики религий неяпонского происхождения.

Подытоживая результаты **Главы 1** необходимо сделать следующие **выводы**:

1. Оценивая письменные источники эпохи Хэйан, частично Нара и Камакура, мы классифицировали их по трем основным группам: 1) документальные источники (своды законов, нормативные акты, высочайшие указы, докладные записки), 2) произведения изящной словесности придворных (личные дневники чиновников, литература «женского потока», поэзия *вака*, поэтические антологии), 3) памятники жанра *сэцува*, среди которых стоит выделить ранние и поздние, а также буддийские сборники и сборники смешанного типа. Каждый тип источников рассматривался нами на вопрос его «достоверности», пригодности в качестве исторического источника. В результате подобного анализа был выведен единый принцип работы с любым источником: выверению данных необходимо подвергать любой древний и средневековый письменный текст, работать с ним, предварительно выяснив время, социо-культурные условия и цели его создания, социальное происхождение, статус, уровень образования и духовности его автора, адресат создаваемого текста. Однако часто подобный метод может не действовать, когда речь идет об изучении повседневной народной культуры эпохи Хэйан, которая не фиксировалась ни в документальных источниках, ни в сочинениях придворных аристократов.

2. Вопрос о точной датировке и авторстве памятника до сих пор остается открытым. Спорным вопросом также считается принцип чередования историй в сборнике – является ли оно хаотичным, неклассифицированным по темам в отличие от КМС или этот принцип является авторской задумкой и отсылает нас к вольному, эссеистическому способу фиксирования событий.

3. По своему содержанию произведение относится к разным годам эпохи Хэйан, освещая все слои столичного и провинциального общества. Буддийская составляющая историй превалирует, и даже в анекдотичных историях о придворных также можно усмотреть буддийские идеи. Однако в

качестве основного материала для диссертации нам пригодились лишь истории, содержащие сведения о бытовании некоторых культов и идей в народе, отражающие сам процесс отправления буддийского ритуала, показывающие степень духовной подготовки и веры среди простого люда.

Таким образом, буддийские истории «Удзи сюи моногатари» следует разделять на информативные, годные в качестве источника для реконструкции буддийских представлений, и т.н. «буддийски окрашенные», которые не в полной мере отражают интересующие нас вопросы духовной культуры хэйанской Японии.

Анализ **Главы 2** позволил нам сделать следующие выводы:

1. Культ «Лotosовой сутры» и бодхисаттвы Каннон, наряду с предыдущей эпохой, все так же остается непоколебимым и наиболее популярным как в низах, так и в верхах японского средневекового общества.

Конец XII в. ознаменован отмежеванием образа бодхисаттвы Дзидзо от образа царя загробного мира Эмма; характеризуется более частым его упоминанием в данном сборнике. Тем не менее, стоит отметить странное расхождение в уровне популярности Дзидзо среди монашества: есть случаи хорошей осведомленности в культе Дзидзо среди простых монахов и полное незнание этого бодхисаттвы среди высшего духовенства, что лишь может указывать на начало роста популярности этого буддийского персонажа.

2. Очевидно волнение и переживание по поводу духовно-религиозной ситуации в стране, что нашло свое отражение в сюжетах про бытование амидаизма, глубокую веру в спасение при помощи молитвы-*нэмбуцу*, упоминание ритуала самоубийства *фудараку-токай*.

В **Главе 3** внимание было сосредоточено на магико-мантической практике *оммёдо*, выявлена степень ее укорененности и популярности в обществе, показано, что гадательные практики имели хождение преимущественно в среде аристократов и были популярны не меньше, чем буддизм. Также были приведены новые детали биографии придворного мастера-*оммёдзи* Абэ Сэймэя, проанализированы сферы соприкосновения

ритуалов *оммёдо* с японским *миккё*, а также проанализированы причины заимствования тантрическим буддизмом школ Тэндай и Сингон ритуальной обрядовости *оммёдо*, вследствие чего было сформировано новое ответвление буддизма *миккё* с монахами-*оммёдзи* и горными отшельниками *ямабуси*. Последним, как представителям этой новой ветви *миккё*, вверялось проведение магических обрядов, необходимых в повседневной жизни японского общества.

Таким образом, одним из главных выводов диссертационного исследования является тезис о том, что духовная культура эпохи Хэйан не огранивалась одним лишь буддийским мировоззрением, а включала в себя автохтонные магические представления, оформившиеся в учении *оммёдо*.

Диссертация завершается **Приложением**, в котором представлены избранные рассказы памятника в переводе автора диссертации.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»:

1. *Кикнадзе Д.* Магико-мантическая практика Оммёдо в средневековой Японии (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // Религиоведение (Амурский государственный университет). 2013. № 4. С. 48–58.

2. *Кикнадзе Д.* Вотивные предметы протонародного японского буддизма эпохи Хэйан. (По материалам сборника прозы сэцува «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // Страны и народы Востока. Вып. XXXVI. Коллекции, тексты и их «биографии». Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2015. С. 241–259.

3. *Кикнадзе Д.* Новый взгляд на сборник жанра сэцува «Удзи сюи моногатари» как на важный источник по духовной культуре Японии эпохи

Хэйан (794–1185) // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. 2015. №5. С. 59–63.

в прочих публикациях по теме диссертации:

4. *Кикнадзе Д.* Отражение «Конца Закона Дхармы» в японском простонародном буддизме конца XII века // Кюнеровский сборник. Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. 2011–2012 гг. Вып. 7. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 107–113.

5. *Кикнадзе Д.* Перевод избранных рассказов памятника японской средневековой литературы XIII в. «Рассказы, собранные в Удзи» // Письменные памятники Востока. 2011. Вып. 1 (14). С. 18–25.

6. *Кикнадзе Д.* Чудо, сотворенное святым отшельником»: рассказ из памятника средневековой литературы XIII в. «Рассказы, собранные в Удзи» // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Вып. 3 (т. 10). С. 222–227.

7. *Кикнадзе Д.* Об одном эпизоде из жизни патриарха японской школы Тэндай Эннина (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // Материалы международной научной конференции «Миссионеры на Дальнем Востоке». Сост. В.Ю. Климов, Т.А. Пан, К.Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В.В. Щепкин. СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 56–58.

8. *Кикнадзе Д.* Буддизм глазами женщин (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // Вопросы японоведения. № 5: Коллективная монография «Япония: культурные традиции в меняющемся социуме. Материалы российских и зарубежных исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения Е.М. Пинус / Отв. ред. и сост. В.В. Рыбин, Н.А. Самойлов, Е.М. Османов, А.В. Филиппов. СПб.: ЛЕМА, 2014. С.84–103.

9. *Кикнадзе Д.* Японские празднества-мацури как форма культурной памяти (на примерах Дзидай-мацури и Гион-мацури)// VII Лазаревские

чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: полифония и диалог смыслов»: материалы международной научной конференции / Ред. В.А. Макарычева, В.С. Боже. Челябинск: ЧГАКИ, 2015. С. 431–434.

10. *Кикнадзе Д.* Религиозный мир японского общества X–XII веков по материалам сборника «Удзи сюи моногатари» («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Шестые Доржиевские чтения / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Гиперион, 2015. С. 98–108.

11. *Кикнадзе Д.* Традиция почитания скульптур бодхисатвы Каннон в простонародном японском буддизме XII в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 3 (24), сентябрь 2015. С. 130–132.

12. *Кикнадзе Д.* "Впасть в прелесть" по-буддийски. По материалам сборника японской прозы сэцува «Удзи сюи моногатари» (XIII в.) // Все восторги мира: Экстаз в литературе и искусстве. Сб. ст. СПб.; Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2015. С. 29–38.

13. *Кикнадзе Д.* Картины буддийского ада и его обитатели в японской прозе "сэцува" эпохи Хэйан (IX–XII вв.) // «Демонология как семиотическая система». Тезисы докладов Третьей научной конференции. Москва, РГГУ, 15–17 мая 2014 г. / Сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2014. С. 51–54.

14. *Кикнадзе Д.* Развитие жанра японской прозы сэцува: от буддийских историй к мирским (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2015. С. 189.

15. *Кикнадзе Д.* Японец на чужбине: мифологизация чужого пространства в сборнике жанра сэцува «Рассказы, собранные в Удзи»,

XIII в. // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Головнёв. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. 2015. С. 165.

16. *Кикнадзе Д. Духи сикигами в японской магии оммёдо: от средневековой литературы до поп-культуры XXI века // Обратни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Материалы международной конференции. Москва, РАНХиГС, 11–12 декабря 2015 г. / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 109–113.*

Подписано в печать 20.04.2016 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 150 экз.
Заказ № 4211.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>